

Глава 1

Мэддокс

Мной овладело чувство неудержимой свободы: несколько дней назад я уехал прочь из тюрьмы. Мне до сих пор не верилось, что Витиелло позволит мне уйти — пусть Марселла и попросила отца пощадить меня, — с учетом того, что он не занимается помилованием. При мысли о ней сердце сжалось. В последнее время, когда я видел ее лишь мельком, и краткие минуты были настоящей пыткой. Я скучал по Белоснежке так сильно, что никогда никому бы в этом не признался, даже ей. Принятые ради нее решения и вихрь чувств застали меня врасплох и продолжают удивлять.

Но прежде чем я снова смогу вернуться к ней, мне необходимо уладить кое-какие дела. Иначе я бы витал в облаках, а мне не хотелось отвлекаться. Я хотел, чтобы у нас все получилось. Я слишком многое отдал, чтобы было иначе.

Не обращая внимания на приступы головокружения, я направился в первое убежище в парке, недалеко от нашего старого клуба в Нью-Джерси.

Как и ожидалось, ящик из тикового дерева, закопанный под кустом, оказался пуст. Видно, тот, кто выжил после нападения, в первую очередь поехал сюда. Я надеялся, что это Грей. Ему ведь нужны деньги. Он еще не стал изворотливым — или, точнее сказать, безжалостным, — как большинство из нас, а значит, ему будет труднее достать наличные иным путем.

Снова взобравшись на байк, я проверил еще пару точек в черте города, прежде чем погнал на свалку, которая находилась примерно в тридцати минутах езды. Она принадлежала Коди, поэтому я всячески избегал этого места, которое он использовал для отмывания денег от продажи наркотиков.

Ключей от ворот у меня не было, поэтому ничего не оставалось, кроме как бросить байк рядом и перелезть через забор, обвитый колючей проволокой. Как только я очутился на противоположной стороне, раздался яростный лай, и два ротвейлера выскочили из небольшого дома, который служил в качестве хозяйственной пристройки.

Я не знал псов, и, что еще хуже, они не знали меня. Скорее всего, они из какого-то помета собак Эрла.

— Черт, — пробормотал я. Оружия у меня нет. Однако судя по тому, как торчали ребра животных, они давно не ели.

Видимо, Коди не очень-то хорошо о них заботился до того момента, как его схватили.

Он всегда говорил: «Голодные собаки — лучшая охрана».

Итак, два массивных ротвейлера напали на меня, вероятно, увидев свою будущую трапезу. Я рванул к груде разбитых машин, карабкаясь

по ней, пока не оказался на самом верху. Собаки норовили взобраться на гору металла, но не смогли. Оглядевшись по сторонам, я нашел способ добраться до дома — перелезая с одной кучи на другую. Ротвейлеры последовали за мной, клацая зубами и рыча. Их шерсть была грязной, а у одной из собак на боку имелась рана, и, похоже, воспаленная. Сняв футболку, я разорвал ее на части и разбросал клочья в разные стороны.

Собаки бросились кто куда, что дало мне десяток секунд форы. Забравшись на крышу дома, я схватился за край и спустился, пока ноги не оказались на одном уровне с окном. Мышцы протестующе заныли.

После нескольких дней недоедания у меня не было сил на великие спортивные достижения. Сжав зубы, я оттолкнулся от стены, стараясь собрать остатки былой мощи, чтобы разбить окно. Стекло разлетелось вдребезги, когда я ударил по нему ногами. Рычание ротвейлеров заставило меня ослабить хватку, отчего я влетел внутрь. Осколки впились в мои ничем не прикрытые руки и спину.

Шипя от боли, я приземлился на пол на еще большее количество осколков.

На секунду я взглянул в окно, и подпрыгивающие собаки, стремившиеся попасть в дом, быстро меня взбудрили. Я отскочил, немного покачиваясь, прежде чем заозирался в поисках какой-нибудь защиты.

В одном из ящичков стола я нашел пистолет с тремя патронами. А затем взгляд упал на огромный пакет с собачьим кормом. Я подошел к нему и потащил к двери. Первая псина уже запрыгнула в окно, приземлившись на пол окровавленными

лапами. Я пнул мешок с кормом, чтобы тот разлетелся по полу подальше от осколков стекла.

Ротвейлер отряхнулся и, не удостоив меня взглядом, начал поедать корм. Бедное животное.

Я аккуратно открыл дверь, и другой ротвейлер ломанулся внутрь. Как и его собрат, он проигнорировал меня в пользу еды. На миг я задержал дыхание, почти готовый наброситься на собачий корм. Тело так и молило о пище. Но я пришел сюда за деньгами. Я начал обыскивать оставшиеся ящички, пока не нашел связку ключей, о которых изредка упоминал Коди. Он никогда не умел хранить секреты.

Схватив связку, я выбежал наружу — прямо к старенькому «Шевроле». Отперев багажник, вытащил кожаный чемодан и открыл. На моем лице появилась улыбка, когда я обнаружил несколько пачек банкнот, замотанных в пакеты. Вроде бы не менее пятидесяти тысяч. Закрыв чемодан, я отнес его в дом, чтобы найти ключи от ворот. Когда я наконец их отыскал, собаки лежали среди разбросанного корма, тяжело дыша, но выглядели умиротворенными.

Имея при себе и ключи, и чемодан, я направился прямо к воротам, как вдруг сзади послышалось шарканье, отчего я обернулся, готовый отбиться от угрозы. К моему удивлению, два ротвейлера последовали за мной, неуверенно виляя хвостами.

Я почесал голову.

— Что же с вами делать? — Я не знал номер Гроула, иначе позвонил бы ему, чтобы тот мог их забрать.

Если я оставлю ротвейлеров здесь, то следующий человек, приехавший сюда за деньгами, наверняка их убьет. Не говоря уже о том, что собаке

покрупнее, возможно самцу, требуется залечить рану и кровотокащие лапы.

Взгляд блуждал по свалке, пока не остановился на здоровенном грузовике Коди марки «Форд». Превозмогая острую боль, я затащил «Кавасаки» в грузовик и спрятал чемодан под сиденьем автомобиля. Как только я отошел от двери, сука, а потом и кобель запрыгнули внутрь и удобно расположились на пассажирском сиденье.

Мне требовалось посетить еще одно место, прежде чем отвезти собак. Но предстоящей встречи я боялся больше всего.

Я тщательно обдумывал, что сказать, пока направлялся к маме с намерением объяснить случившееся, в том числе и то, почему я убил Эрла, но мысли уже долгое время путались в голове. Все окажется пустым звуком, и она вряд ли мне поверит. Да и я бы не поверил в большую часть сказанного.

Когда я подъехал к дому, мама вышла на крыльцо с ружьем в руках, очевидно, опасаясь непрошенных гостей. Но, заметив меня, она чуть опустила ствол. На ней был плюшевый розовый халат, тон в тон с цветом накрашенных губ, светлые волосы накручены на бигуди. Хоть что-то не меняется.

Я выскочил из машины, подняв руки над головой и ухмыльнувшись.

— Мам, это я.

Она кивнула, сощурившись. Похоже, я был одним из нежелательных визитеров, которых она хотела запугать дробовиком.

— Что ты тут делаешь?

Настороженность в голосе мамы заставила меня задуматься, что она в курсе, как я убил Эрла, хотя

у нее не было доступа к информации. Такое просто невозможно.

Кроме людей Витиелло, об этом никто не осведомлен, и я сомневался, что они уже рассказали об Эрле кому-то из знакомых моей матери. Витиелло заверил меня, что не позволит ничему просочиться наружу.

И чтобы я ни думал о Луке Витиелло, в одном был уверен точно — он полностью контролировал своих людей.

— Собираешься выстрелить в меня, мам? — Все еще держа руки над головой, я подошел ближе.

Они опустила дробовик на несколько сантиметров, целясь мне в грудь.

— Что с тобой случилось? — спросила мама, окинув взглядом мой голый, израненный и покрытый синяками торс.

— Много чего, — ответил я, не готовый разглашать больше информации, пока она наставляла на меня ружье.

Она кивнула в сторону грузовика.

— Разве он не принадлежит Коди?

— Ага. Но он ему теперь не понадобится.

Мама снова кивнула и горько улыбнулась.

— Он мертв?

— Ага. — Я медленно вытянул руки вдоль тела.

Мама проследила за мной с опаской, но не выстрелила. Я не сомневался: она нажмет на курок, если ее спровоцировать.

— Я забрал его собак со свалки.

— Уверена, не только их, — ответила она тихо. — Он прятал там наличные. Ведь он не умел держать язык за зубами, когда напивался.

— У него был длинный язык. — Я невесело усмехнулся. — Ты уберешь дробовик?

Мама отрицательно покачала головой.

— Пока нет. Ходят слухи, что теперь ты работаешь на итальянцев.

— Я ни на кого не работаю, мам. Ты же сама понимаешь, как плохо я подчиняюсь приказам.

Она посмотрела на грузовик.

— Тебе следовало пристрелить собак. Неужто проблем мало?

Я не представлял, как много ей известно, но, учитывая нежелание опустить ружье, — значило, что много.

— Эрл мертв.

Она печально вздохнула.

— Да. Итальянцы схватили его и еще нескольких мужчин. От этих начищенных ублюдков никто живым не возвращался.

— Ага. — Я не знал, мог ли я увидеть слезы или как минимум какое-нибудь проявление скорби от мамы из-за смерти Эрла. Однако учитывая, что он постоянно ей изменял и редко появлялся дома, мне не стоило удивляться.

— Говорят, тебя тоже схватили.

Я пожал плечами, поднимаясь по ступенькам крыльца, пока не оказался прямо перед мамой, отчего ствол дробовика почти касался моей груди.

— Что еще ты слышала?

— Что ты предатель. Грей рассказал, что ты сообщил им ваше местоположение.

На меня нахлынуло облегчение от подтверждения того, что Грей и вправду ушел живым.

— Я не... — Но не успел я договорить, как мама дала мне пощечину.

— Если бы в тот день с Греем что-то случилось, я бы никогда тебя не простила.

— Именно поэтому я позаботился о том, чтобы он смог спасти свою жалкую задницу.

— Он и это упомянул.

— Где он сейчас?

— Без понятия. Уехал вчера. Оставил немного денег и сказал, чтобы я не волновалась, а он заставит меня испытывать гордость за него.

— Что, черт возьми, происходит?

Она искала что-то в моих глазах.

— Если ты не работаешь на итальянцев, то почему выжил, Мэддокс? Они тебя не убили. Грей заявил, что ты сделал девчонку Витиелло своей женщиной.

Моей женщиной.

Мне нравилось, как это звучит.

— Она многое для меня значит.

— Намного больше, раз ты стал из-за нее предателем. Ты жил ради клуба. Неужели одной женщины хватило, чтобы забыть о том, что случилось с твоим отцом?

— Я не забыл, но мне надоело застревать в прошлом. Благодаря Марселле у меня появилось желание задуматься о будущем.

— О каком? Что ты собираешься делать без клуба? Никакая другая жизнь тебе не ведома.

— Я разберусь.

Она мрачно рассмеялась, зато наконец опустила ствол.

— Если ты работаешь с итальянцами, то каждый байкер будет мечтать заполучить твою голову. Хотя они в любом случае захотят, как только просочится слух, что ты убил Эрла.

Я напрягся.

— О чем ты говоришь?

Мама снова дала мне пощечину. Я ожидал удара, но не попытался защититься. Она имела полное право злиться.

— Не лги мне в лицо, Мэддокс. Я не глупая. Информация прилетела от итальянцев. Или хочешь сказать — они распространяют слухи, чтобы разрушить твою репутацию?

Я отвернулся от мамы. Кто же выложил правду? В тюрьме Семьи было несколько человек, о которых я кое-что знал. Лука, Амо, Маттео, Гроул и Марселла.

Если кто-то из них разнес новости о том, что я убил дядю, это могло служить лишь одной цели: заставить другие отделения «Гартара» и «Кочевников» желать отомстить мне. Кто-то назначил награду за мою голову.

Меня хотят убить. Вопрос — кто?

На первый взгляд этим человеком вряд ли являлся Лука, поскольку он мог легко пришить меня, пока я был его пленником, — что заставило бы Марселлу злиться на него.

Самый простой способ для Луки угробить меня — и чтобы Марселла не винила его, — уломать других байкеров охотиться за мной.

— А кто распространяет слухи?

— Грей не говорил.

— А про убийство тебе рассказал Грей?

— Мэддокс, ты убил своего дядю? Вот единственное, что я хочу знать.

— Ты в курсе, каким был Эрл, мам. Он оказался одержим мстью: куда мне до него! Если мы превратимся в монстров, чтобы убить монстра, то не

станем лучше. Грей сообщил тебе, что Эрл сделал с Марселлой?

Мама кивнула.

— С годами Грей стал более решительным. Но тебе следовало разобраться с проблемой еще в клубе. Ты мог бы бросить Эрлу вызов, чтобы занять пост президента.

— Меня бы никогда не избрали президентом. За последние годы прогрессивные и либеральные члены клуба стали «Кочевниками». А люди, которые остались, целиком и полностью преданы Эрлу. И даже если бы я выиграл, они бы ни за что не приняли результаты голосования. «Тартар» был смыслом его жизни. Ничто другое не имело значения.

— Верно, — с тоской согласилась мама. Ее глаза изучали мое лицо. — Я не представляю, что и думать. Где тот мальчик, которого я вырастила?

— Я — тот самый, мам. Мне пришлось сделать выбор, как и Эрл сделал свой, когда попытался натравить на меня собак. Но мне печально, что ты одна.

Мама рассмеялась.

— Ох, Мэддокс, но Эрла не было здесь почти год! Однако без клуба я не смогу оплачивать счета. А десять штук, которые оставил Грей, быстро израсходуются. — Она надела резиновую перчатку, которую всегда использовала, когда курила, чтобы пальцы не пожелтели.

Неплохое решение, учитывая, что мама выкуривала по сорок сигарет в день.

Я побежал обратно к грузовику и достал из чемодана тридцать тысяч. Мама наблюдала за мной с некой долей подозрения, и оно не исчезло, даже когда я протянул ей деньги.

— Должно хватить на какое-то время. Я пришлю тебе еще, когда опять начну зарабатывать.

Она покосилась на дробовик.

— Ты правда собираешься работать на мафию?

— Я не буду вкалывать на них, но пока мне приходится сотрудничать с ними. Я просто без ума от этой девушки... и не могу...

— Надеюсь, она не играетя с тобой. Хочется верить, что оно того стоит. Ради нее ты отказался от настоящего дома, который у тебя был. Она хоть что-то понимает?

Мама права. Клуб был моей крышей над головой столько, сколько я себя помню.

Дом мамы в Техасе — как и этот — стали лишь местом, куда я просто приходил переночевать.

За последние несколько дней много чего произошло, даже не было времени осознать, что теперь у меня нет дома. У меня никогда не было своего угла, только комната в «Тартаре». Когда я испытывал необходимость в компании, всегда находились братья по клубу. И клубные девушки. Но теперь я практически стал «Кочевником», и вернуться мне некуда.

Марселла и я... у нас еще не было собственного жилища, но при мысли о том, чтобы переехать к ней, пульс участился. Как у нас вообще что-то получится?

— Надеюсь, ты не пожалеешь о своем решении, Мэддокс.

— Ни капли, — отрубил я. Никогда не пожалею о том, что спас Марселлу единственным возможным способом. А что насчет убийства Эрла? Я оказал ему услугу. Он избежал жестокой смерти от рук Витиелло. Но крошечная часть меня до сих

пор терзалась от воспоминаний о старых добрых временах.

Мама схватила меня за предплечье, впиваясь в кожу длинными ногтями.

— Я переживаю за Грея. Ты тоже лишил его дома. Он растерян и нуждается в людях, на которых можно равняться. Он попадет в беду, я чувствую. Грей будет искать другое отделение «Гартара» в надежде присоединиться к нему, а это верная смерть, поскольку они собираются разжечь войну с итальянцами. Защити его. Верни сюда. И убедись, что он останется.

— Ладно, когда разыщу, притащу к тебе, заставлю окончить школу и пойти на какую-нибудь достойную работу. Он еще очень молод и может начать другую жизнь.

— Я всегда желала другой жизни и для тебя, но не с мафией. Ох, Мэддокс, береги себя.

— Ты меня знаешь. Меня нельзя убить.

Мама стала серьезней.

— Если что-то случится с Греем, я тебя никогда не прощу. Не возвращайся сюда без него, понял? Это твоя вина. Ты отнял все, что у него было, а теперь дай ему то, ради чего можно жить.

Я слотнул, тяжелое чувство вины осело в груди. Я вырвал Грея из комфортного мира, убил его отца, пусть они только и делали, что ссорились и с трудом ладили. В отличие от меня у парня не было выбора. Однако я не был уверен в том, хотел ли он меня видеть. Если бы он меня послушал, не говоря уже о том, чтобы вернуться со мной домой...

Я посмотрел на грузовик.

— Мне пора, не хочу доставлять тебе неприятности.

Мама одарила меня взглядом, который ясно намекал — уже слишком поздно.

— Пообещай, что вернешься с Греем, — сурово прошептала она, усилив хватку.

Я промолчал, сомневаясь. Грей, в конце концов, не ребенок.

Тем не менее я проговорил:

— Обещаю.

И она меня отпустила. Я отчаянно надеялся, что смогу сдержать слово, ради ее и Грея блага, но прежде всего — ради себя. Ни к чему, чтобы на моей совести появился дополнительный груз вины. И на том спасибо.

— Можешь принести мне старую футболку, пока я не уехал?

Не сказав ни слова, мама исчезла в доме, но я не последовал за ней. Было четкое ощущение: ей не хотелось, чтобы я заходил внутрь. Мне здесь не рады — и не будут, пока я не найду Грея, но даже после... мы и раньше не были близки, а эта ситуация, вероятно, вбила последний гвоздь в гроб наших отношений.

Мама вернулась с парой черных футболок и протянула мне.

Надев свое тряпье, я поехал обратно в город, но спустя какое-то время остановился на обочине, выпустив собак, чтобы те сходили в туалет. Бросив взгляд на «Кавасаки», не удержался. Достав его из грузовика, я немного покатался по дороге, рассчитывая, что сумею справиться с мыслями. Я не мог перестать думать о Грее. Мама всегда говорила, что он бы не пережил того, чему я стал свидетелем.

Он мягче, чем я, наверное, поэтому мама всегда предпочитала его. На ее месте тоже выбрал бы Грея.

Собаки ждали рядом с грузовиком и наблюдали за мной. В итоге я затормозил, но не слез с мотоцикла. Я не мог объяснить, почему вдруг решил не возвращаться в город. Я хотел к Марселле. Ради нее я отказался от всего, желая быть вместе с ней, но кто-то сдал меня. И вряд ли Гроул. Он не похож на мстительного человека, и у него нет никаких причин, если только Лука не приказал ему.

Матео определенно мечтал, чтобы я уехал. Возможно, он слил информацию. Или Амо. Здоровяк не переносил меня и был бы рад моей смерти, для него главное, чтобы я держался подальше от сестры.

Теперь каждый член «Гартара» в стране знал, что я убил Эрла, и считал меня предателем. Я — их главная цель. Поэтому найти сводного брата будет особенно трудно. Вернись я к Марселле, чтобы сообщить ей о поисках Грея, тот, кто сдал меня, вскоре прознал бы и об этом, а затем донес на меня или представил все так, будто я хочу убить и Грея.

— Черт, — пробормотал я. Важно разыскать брата прежде, чем кто-то вобьет в голову Грея, что я представляю для него угрозу, если так уже не произошло.

Сидя на байке, я смотрел на закат. Хоть жизнь мотокулуба и полна ответственности и правил, гнать на «Харлее» навстречу закату — это всегда дарило мне чувство свободы.

Я решил переночевать в грузовике, прежде чем определиться, что делать дальше. Я смертельно устал, и мне нужна спокойная ночь, чтобы по-настоящему смириться с новым поворотом в жизни.